

Катерина Файн
ПРО СЕМЕНА ИЛЬИЧА
поэма

*«...Белеет парус одинокий
среди сотен алых парусов».
К. Никитин*

Семен Ильич – большой писатель,
работник ручки и листа.
Он журналист-обозреватель,
затычка в разные места.

Его все чаще нету дома:
то выбивает новый грант
для написания фантома,
то запускает бумеранг.

Он то на стройке, то на свалке,
так много разных нужных тем
освещено. Но не для галки!
И все довольны им. И тем,

что все устроит, все уладит,
найдет актрису фильма «Сью».
И, боже мой, искусства ради
возьмет большое интервью.

Затем, чтоб рот открыл читатель,
из мухи сделает слона.
Чтоб заплатил работодатель –
поверит сам. И вся страна

за ним в любую непогоду
посредством мелкого шрифта.
А он закусит водку шпротой:
«Интеллигенция не та!»

Начальник всех землетрясений,
он круглосуточно в строю,
как служба времени, спасений,
всегда пожалуйста, fog you.

Он – если надо – прыгнет в прорубь,
и с парашютом, как пилот.
В оригинале повесть «Голубь»
прочтет и выучит. Так вот,

в процессе суетной работы,
тому уж тридцать лет назад,
случилась дочь. Его порода.
Ассоль. Ходила в детский сад,

потом в особенную школу,
куда не всех детей берут.
Любила «Кью» и пепси-колу.
Затем, конечно, институт

четыре года посещала,
в аспирантуре побывала.
Преподавала и скучала.
В конечном счете – завила.

Чем, кстати, сильно огорчила
папашу – мастера пера.
Но он решил, что не лечиться,
а замуж девочке пора.

Но брак – ответственное дело,
кому попало не отдашь.
Одна ведь дочь. Душа болела.
И он придумал эту блажь:

чтобы жених потенциальный –
не глуп, удачлив и богат –
в культуре был. Принципиально.
Такой нашелся кандидат.

Иван Кузьмич – большой издатель,
жених – что надо, всем под стать.
И дочка будет при печати
брошюрки разные верстать.

Она умна и симпатична,
ей платье белое пошло б.
И он – высокий и практичный,
на вид – как будто бы не жлоб.

Машины две и дом с камином
такой, что мама не горюй.
Он раз в неделю ездит к финнам
помыться в бане, чистоплюй.

Сейчас как раз никем не бредит,
все книги, книги... Не до сук.
Работа, деньги, дебит-кредит,
забыл, как выглядит досуг.

К любым опасностям приучен,
он с детства выбрал верный путь.
Но одиночеством замучен,
запал на девичью грудь.

Сыграли свадьбу. Все искрилось,
ломали хлеб, бросали рис.
А стали жить, и тут открылось –
имеет дочь один каприз:

все, что лежит на видном месте,
ее свербит и тяготит.
Но не из пакости и мести
в помойку нужное летит,

а из гуманной высшей цели:
очистить новое жилье.
И вот, в квартире уцелели
компьютер, мебель и белье.

Мамай прошелся по излишкам,
нет, не Мамай, а мафия!
«Меня достали эти книжки,
не дом, а типография!» –

рычит Ассоль. И папа в шоке,
он принимает папазол.
Распался брак. О, боги-боги,
какой чудовищный позор!

О чем подумают коллеги,
что скажут лучшие друзья?
Осталась дочка без опеки,
совсем без мужа ведь нельзя!

Недуг сковал рара. И водка
теперь, как прежде не берет.
Кто заработает на шмотки,
когда отец, тьфу-тьфу, помрет?

Вот наказание, мать честная,
какая выпала стезя.
Но вспомнил: книжка записная!
Нашел. И в ванной заперся.

И изучивши поименно
весь материал минут за пять,
решил он так: Ассоль Семенна

должна профессоршею стать.

В конце концов, какого черта?
От жизни надо больше брать!
Не в деньгах счастье – молвил гордо,
зато в науке будет зять.

Егор Фомич – большой ученый,
паломник в солнечный Тибет.
Он воду пьет не кипяченой
на завтрак, ужин и обед,

терпя желудочные муки.
И, в принципе, не слишком стар.
И дочка будет при науке
готовить дедушке отвар.

Глядишь, немного похудеет,
а то все булки, да буше.
Короче, папина идея
пришлась ребенку по душе.

И вот, размашисто в тетради
жених отметить готов.
И папа счастлив, как Создатель
в последний день своих трудов.

Но тут такая незадача –
молодожен три дня не ел.
И в результате мыслей брачных,
упал без чувств и посинел.

Невеста – в слезы, гости – в позу:
подарки требуют назад.
И отдышаться на морозе
уходит папа в Летний сад.

А там концерт. Играют скрипки,
и музыканты все в снегу.
Семен Ильич в слезах и цыпках
стоит на левом берегу.

Ах, утопиться бы, да где там:
река во льду, народ кругом.
И целый час у парапета
папаша трогался умом.

Жизнь коротка, и все такое,
и, как пасхальная маца,

пресна. Но мысль постигла кое-
какая бедного отца.

Есть пара-тройка вариантов:
вот, композитор, например.
Хоть не читает разных Кантов,
зато он в музыке – Гомер!

И будет что сказать потомкам
и современникам. А то!
Его так много и так громко,
что он заменит сразу сто.

Степан Лукич – большой оркестр,
любил художественный стук.
На музыкальном Эвересте
таких, от силы, восемь штук.

Минималист, он выше моды,
он просто местный Филип Гласс.
Ему не требуются ноты,
ему они вредны как раз.

Сати и Шенберга сподвижник,
полугармоний господин.
Такой горячий, как горчичник.
Но важно то, что был один.

Умел признаться в сильном чувстве
и на колени пасть в бреду.
И дочка будет при искусстве
дудеть в свою диджериду.

И вот, во фраке с белой тростью,
(он от рожденья был слепой)
пришел Степан к невесте в гости,
и объявил ее женой.

Процесс венчанья опускаем,
все очень мило, как всегда.
Но жизнь, увы, совсем другая,
цинична даже иногда.

К примеру, если муж незрячий
проносит ложку мимо рта,
зачем визжать по-пороссячи:
«Ты что, не видишь ни черта?!»

Не видит. Сумки, платья, брошки,

автомобиль, гараж, права.
И даже собственные рожки,
когда сосед несет дрова

в его камин. Ассоль при этом
в ленивой позе у огня
сидит еще недоодета,
телами пышными маня,

и мыслит вслух под абажуром
о том, что жизнь проходит зря.
Все партитуры, да брошюры...
А где же яхты и моря?

Где расписные субмарины?
(ведь у меня любовь к воде!)
Все эти, как их – Греи, Грины...
Вообще: Ассоль я, или где?

Но как-то раз сняла горжетку –
учуял муж нездешний дух.
И вызвал папу на разведку,
он на скандал имеет нюх.

Папаша в гневе строгих правил,
решенья быстро принимал.
Купил он парус и отправил
Ассоль по морю. Экстремал.

Такой он мудрый и отважный,
чтодохнут мухи и враги.
Но иногда бывает важно
не делать лишние шаги.

Потом, страдая самоедством,
в газете даже изложил,
как дочь любимую наследства
в припадке ярости лишил.

И как коварную пучине
на растерзание, за ложь
отдал легко, чтобы в личине
душить случившийся дебош.

Давно не мучившая совесть,
сейчас тиранила его.
Но эта трепетная новость
не изменила ничего.

Теперь, подвластная Борейам,
не заслужив судьбы иной,
плывет Ассоль одна (иль с Греем?) –
упрямо борется с волной.

И пусть кораблик сделан ладно,
все ж бесконечен этот путь.
И чайки кружатся бесплатно,
и не боятся утонуть.

Вокруг счастливых очень много,
не наблюдающих часов.
Белеет парус одинокий
среди сотен алых парусов.

2002